

A portrait of Askar Shakhmurov, a middle-aged man with grey hair, wearing a dark blue suit, white shirt, and a blue and white striped tie. He is looking directly at the camera with a slight smile. The background is dark and out of focus.

18+

Аскар Шакиров

ИЗ СТАРОГО
В НОВЫЙ...

Аскар Шакиров

Из старого в новый...

<https://litres.ru/74301592>

ISBN 9785007043298

Аннотация

Данная книга приглашает читателя вновь обратиться к событиям распада Советского Союза и становления независимой Республики Казахстан через личную призму автора. Его воспоминания и размышления читаются легко и увлекательно, раскрывая как известные, так и малоизвестные факты. Автор умело сочетает аналитику с живыми, порой курьезными и напряженными эпизодами, создавая динамичное повествование. Легкий стиль, чувство юмора и интрига делают книгу интересной для широкого круга читателей.

Содержание

Предисловие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Из старого в новый...

Аскар Шакиров

Корректор Анна Абрамова

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Аскар Шакиров, 2026

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4329-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Решение взяться за книгу пришло, можно сказать, эволюционно. Вначале была попытка некоего бытописательства с небольшими зарисовками интересных событий, аспектов личной жизни, написанных для собственного удовольствия и внутреннего потребления.

Вместе с тем стало очевидно, что описываемое не просто происходит в период эпохальных событий, но и сам автор оказывается в их эпицентре. За относительно короткий отрезок времени ему довелось быть действенным свидетелем того, как в результате «геополитической катастрофы» в виде распада Советского Союза образовалось новое независимое государство — Республика Казахстан, которое спустя всего три десятилетия стало уже именоваться «старым» и требующим кардинального переустройства.

В связи с этим выбранный в начале книги стиль беллетристики далее уступил место анализу и осмыслению указанных исторических, в том числе малоизвестных, событий и фактов, к которым автор имел непосредственное отношение. Разумеется, они, как это присуще выбранному жанру, носят субъективный характер и могут не совпадать с существующими иными мнениями.

Работе над книгой способствовало следование впитанным еще со времен написания научной диссертации критериям: достоверности, новизне и практической ценности. За достоверность автор, разумеется, может поручиться. Если же изложенные небесспорные мысли и рассуждения помогут читателям не только с новой стороны взглянуть на них, но и окажутся полезными, то это будет свидетельством достижения им поставленной цели.

После определенных раздумий было решено вначале опубликовать первую часть книги, которая охватывает период новейшей истории Казахстана, связанный с ее первым президентом Нурсултаном Назарбаевым. Вторая ее часть будет посвящена событиям, ознаменованным современными задачами, стоящими перед нашей страной: масштабными реформами главы государства Касым-Жомарта Токаева, а также определением места Казахстана в новой мировой геополитической системе в условиях беспрецедентных вызовов современности.

От автора

* * *

То апрельское утро 1988 года даже спустя тридцать во-

семь лет я помню в малейших его подробностях, так как оно сыграло немаловажную роль в определении направления моей дальнейшей жизни.

Весна выдалась в Москве очень теплой и солнечной, поэтому пешая часть ежедневного маршрута до места службы от Пушкинской площади до улицы Огарева доставляла особое удовольствие. Город потихоньку оживал и входил в свой обычный ритм.

Самая многолюдная столичная улица Горького, которой позднее вернули её исконное название — Тверская, в это время дня нравилась мне своей свежестью, безупречной чистотой и какой-то уютностью.

Я решил немного удлинить свой привычный путь минут на пятнадцать и, не сворачивая на Огарева от здания Центрального телеграфа, проследовал дальше до Манежной площади, где открывается один из самых, на мой взгляд, красивых ракурсов Москвы. Здесь и величественный Кремль с Александровским садом, и возведенная знаменитым архитектором Алексеем Щусевым гостиница «Москва», здесь и Центральный выставочный зал, называвшийся в народе Манежем, так как это монументальное здание в стиле классицизма в свое время действительно служило в качестве конногвардейского манежа для выездки императорских лошадей. Главным же объектом на моем пути, как всегда, была моя альма-матер — Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете, где я провел

незабываемые пять лет, совмещая, так сказать, полезное с приятным — грыз гранит науки, любуясь из окон аудиторий вышеописанной красотой. Далее, свернув на улицу Герцена, пройдя мимо факультета журналистики МГУ и Зоологического музея, наконец, добрался до улицы Огарева, но уже с ее противоположной стороны. Новая российская власть вернула и этой улице ее первоначальное название — Газетный переулок. Это была самая короткая улица в городе — 420 метров. Но, разумеется, не это было ее главной достопримечательностью, а то, что в здании под номером шесть находилось Министерство внутренних дел СССР, где располагались министр со своим секретариатом и его первый заместитель.

Помимо руководства, здесь также находились управление кадров и отдел внешних сношений, куда годом ранее был принят на службу ваш покорный слуга.

Коллеги из других служб (уголовного розыска, БХСС и т. д.), которые вместе с курировавшими их заместителями министра располагались в здании на улице Житной, что на Октябрьской площади, нередко интересовались, часто ли мы видим министра. Действительно, нам это удавалось чаще остальных в силу того, что сотрудники отдела, как правило, присутствовали на международных встречах руководства, о чем мы не без удовольствия сообщали интересующимся в стиле известной советской кинокомедии: «Ну Иоанн. Ну Грозный! Что тут особенного?»

Коллектив, в котором я оказался, состоял из опытных профессионалов со знанием иностранных языков, разбиравшихся как в правоохранительной сфере, так и в международных отношениях.

В то утро мои коллеги Сергей Гладкин, Александр Гордеев, Константин Берстель и Владимир Носенко (старший брат нынешнего омбудсмена России Татьяны Москальковой) уже ждали меня, чтобы пожелать благополучного прохождения моего мероприятия — приема в члены КПСС (подходил к окончанию годичный срок моего кандидатского стажа в члены партии). Кстати, я был не только самым молодым в коллективе, но и одним из единиц, когда-либо принятых на службу в центральный аппарат Министерства внутренних дел без полного партийного членства.

Вместе с добрыми пожеланиями коллеги, естественно, поинтересовались, нужно ли им в связи с этим событием отменить другие дела после работы. В том же духе я предложил всем после работы отправиться в Ленинскую библиотеку (благо находится рядом) штудировать труды Маркса, Энгельса, Ленина. Посмеявшись вместе с коллегами над шуткой, я направился в партийный комитет, который находился в соседнем здании. Там меня уже ожидали работники аппарата парткома для совершения необходимых бюрократических формальностей.

Подошло назначенное время, и меня пригласили в зал заседаний, где за столом сидели его участники во главе с сек-

ретарем парткома Эдуардом Калачевым.

Атмосфера была весьма доброжелательной. Присутствовавшие попросили подробно презентовать себя, включая как служебный, так и личный аспекты. В этом плане меня долго уговаривать не было необходимости, так как нашлось что рассказать.

В одобрительных взглядах членов парткома читалось: откуда взялся этот джигит, который так шпарит по-русски, да еще и иностранные языки выучил?!

В такой непринужденной обстановке прошло практически все собеседование. Уже ближе к его завершению слово вдруг взял сидевший поодаль от центра стола лет 70 в генеральской форме с величавой осанкой и солидной орденской планкой на кителе член парткома — ветеран органов внутренних дел. Я еще раньше обратил на него внимание, так как он, в отличие от остальных, был весьма сдержан в эмоциях и, как мне показалось, пристально наблюдал за мной. Он без всяких прелюдий задал вопрос: «Вот вы ведь казах. Скажите мне и членам парткома, какова ваша оценка декабрьских событий в Алма-Ате?» По реакции присутствующих было件нятно, что вопрос оказался неожиданным не только для меня. В ожидании ответа у него на лице мелькнула какая-то злорадно-выжидательная улыбка, которая мгновенно и кардинально изменила его имидж благообразного ветерана в мелкого провокатора.

Необходимо отметить, что в тот период действовало из-

вестное постановление ЦК КПСС о нарушении норм интернационализма в Казахской ССР. Действительно, вопрос как по форме, так и по содержанию был провокационным. Пауза продлилась буквально несколько секунд, и ситуацию взял в свои руки председательствующий, сказав дословно следующее: «Вопрос считаю неуместным и не имеющим отношения к работе нашей партийной организации и к нашему кандидату. Коммунисты же Казахстана уже дали свою принципиальную оценку тем событиям».

Эдуард Васильевич, опытный и рассудительный партработник, прошедший горнило войны в Афганистане, грамотно нивелировал создавшуюся нештатную ситуацию. После его слов генерал как-то угодливо закивал в знак согласия, бормоча под нос о том, что только хотел узнать мнение молодежи.

Пригласив меня к себе после заседания, секретарь парткома уже в неофициальном порядке сказал, что на деда обижаться не нужно, дескать, он фронтовик и сказал не со зла. Я поблагодарил его за поддержку.

Откровенно признаюсь, что на тот момент адекватного и объективного ответа на поставленный вопрос у меня не могло быть. Те, кто жил в ту эпоху, знают, что информация, тем более о такого рода событиях, черпалась преимущественно из официальной периодической прессы, радио и телевидения. Приезжавшие в Москву земляки неохотно делились своей позицией. В данном контексте с сожалением прихо-

дится констатировать, что в Казахстане многие представители, в том числе лидеры «зиялы қауым» (литераторы, ученые, педагоги, мэтры искусства), выступили с осуждением участников декабрьских событий. Об этом свидетельствуют стенограммы заседаний творческих союзов, например, Союза писателей Казахстана, а также публикации в средствах массовой информации тех лет. Как известно, горькая правда о нашей национальной трагедии тщательно скрывалась, в том числе местным казахстанским партийно-советским руководством.

Вышеупомянутое постановление о так называемом казахском национализме было отменено спустя год по инициативе Съезда народных депутатов СССР.

Произошедшее в тот апрельский день событие и мое личное его восприятие впоследствии сыграли, как я уже отметил, определенную роль в моей дальнейшей жизни. Разумеется, вкупе с рядом других объективных и субъективных факторов, связанных с происходившими в стране историческими событиями. Об этом подробно будет изложено далее, но прежде полагал бы необходимым поделиться воспоминаниями о предыдущих этапах, задавших сложившийся вектор моей жизненной стези.

Цель настоящего повествования — это преимущественно не упоминание своих достижений. Гораздо важнее поведать тем, кому это будет интересно, об атмосфере и событиях, которыми были наполнены те годы, а также о людях, с которыми

ми довелось вместе работать, общаться и у которых я многому научился.

Думается, что это поможет читателю в определенной мере иметь более полное представление об авторе книги и его мировоззрении.

* * *

После окончания в 1978 году китайского отделения упомянутого ранее института я был принят на работу в Академию МВД СССР, где как раз в том же году было создано подразделение по исследованию зарубежного опыта правоохранительной деятельности.

Академия той поры входила в тройку ведущих в стране научно-практических и учебных центров в сфере юриспруденции. Здесь трудились такие известные ученые, как Генрих Миньковский, Михаил Бабаев, Инга Михайловская, Константин Игошев и многие другие.

Созданный при нем Университет культуры, возглавляемый патриархом советского искусства Арамом Хачатуряном, куда входили известные мастера театра, кино, литературы, превратил Академию также и в признанный центр культуры. Проходившие под его эгидой творческие встречи и мероприятия неизменно были заметным событием в эстетической жизни Москвы.

В связи с этим я обязан подчеркнуть роль основателя и

первого руководителя Академии генерала, профессора Сергея Крылова, жизнь которого трагически оборвалась в апреле 1979 года.

Сергей Михайлович, установив безупречный порядок отбора и воспитания кадров, нередко лично проводил собеседования с новобранцами. Принимая меня на работу, он тотчас безошибочно расставил ее приоритеты и задал должный последующий алгоритм. Благодаря полученным первым наставлениям я впоследствии прошел обучение в очной адъюнктуре и защитил кандидатскую диссертацию по своей специальности китаеведа. Так что мне посчастливилось сразу после студенческой скамьи получить такую уникальную возможность для профессионального и личностного роста.

Направлением моей работы были определены Китай и Япония, и я с головой окунулся в исследовательскую работу, заниматься которой доставляло неописуемое удовольствие.

Москва того времени по праву являлась одним из мировых научно-информационных центров, кладезем источников знаний. Практически любую интересующую информацию можно было найти в академических библиотеках и, конечно же, в Ленинке, как в народе называли Библиотеку имени В. Н. Ленина, являвшуюся одной из ведущих по всем параметрам библиотек мира. Например, в ее фонде специального хранения, куда требовался особый допуск, который, кстати, мне был выдан, можно было найти литературу, даже запрещенную известной своей жесткостью советской цензу-

рой. Вообще, поиск необходимой информации, в том числе в библиотеке, захватывает как квест или передвижение в лабиринте.

В связи с этим вспоминаю выполнение одного из своих первых серьезных заданий, суть которого заключалась в изучении зарубежного опыта работы аналогов советских участковых инспекторов милиции. Данная служба, как известно, функционирует в тесном и постоянном контакте с населением, являясь своего рода индикатором его доверия.

На тот момент указанная служба, по мнению руководства Министерства внутренних дел, требовала совершенствования и определенного реформирования.

По ходу исполнения поручения я уже имел общее представление о кобанах — уникальных компактных полицейских участках в Японии, оказывающих разнообразную помощь гражданам — от правоохранительной до социально-бытовой. Я практически перелопатил все доступные источники, однако полученная информация носила поверхностный характер, не дотягивая до представления на высокий уровень. В спецхране Ленинки я наткнулся на упоминание о кобанах в так называемой Yellow book (Желтая книга) полиции Японии, являющейся ежегодным сборником. Однако она была на японском языке, и я смотрел на нее как кот на недоступную сметану. Наудачу связался с коллегами из Высшей школы КГБ СССР, которые посоветовали мне обратиться к Владимиру Еремину — общепризнанному специа-

листу по политической системе и праву Японии. Им оказался не только знаток своего дела, но и очень отзывчивый человек, у которого в личной библиотеке хранилось несколько изданий этой Желтой книги, которые он был готов дать мне на время. Услышав, что я не владею японским языком, Владимир Николаевич, подумав, попросил меня приехать к нему через неделю, а за это время он что-нибудь придумает. В назначенное время он гостеприимно встретил меня у себя дома на Кутузовском проспекте, напоив чаем, за которым увлеченно и обстоятельно рассказал о работе японской правоохранительной системы.

Несмотря на солидную разницу в возрасте, служебном положении и уровне знаний, он беседовал со мной как с равным и делал это искренне. В конце беседы он протянул мне необходимую, по его мнению, информацию, переведенную на русский язык.

Полученный мной материал был поистине бесценным, так как профессионально излагал все аспекты работы японских кобанов и лег в основу моего аналитического документа. Те, кому интересна эта тематика также и с профессиональной точки зрения, могут найти данные о ней в непобедимом «Гугле».

Позднее начальник Академии на совещании отметил, что японский опыт работы полиции «на земле» привлек внимание министра Н. Щелокова, а моя работа была опубликована в Вестнике коллегии МВД СССР.

Кстати, в 1983 году подразделения участковых инспекторов были выделены из уголовного розыска в отдельную службу, а спектр их задач стал выходить за пределы исключительно профилактики правонарушений. До японских кобанов, конечно, еще было далеко, но кое-что было усвоено.

Интересным и полезным для меня периодом по окончании адъюнктуры была работа в группе по обеспечению деятельности Представителя СССР в Комитате ООН по предупреждению преступности и борьбе с ней, которым традиционно являлся начальник Академии. Участие Советского Союза в работе международных организаций в условиях еще имевшего место «железного занавеса» от Запада было непростым делом и требовало особого внимания и выверенности. Выработка страновой позиции, в том числе к проводившимся один раз в пять лет международным конгрессам по данной тематике, была сопряжена с кропотливой работой во взаимодействии с другими государственными органами. Несомненно, это явилось неоценимой практикой приобретения профессиональных навыков и расширения кругозора.

В 1985 году в Москву впервые с визитом прибыл председатель вышеуказанного Комитета ООН японец Минору Шикита, что было значимым и, надо отметить, успешным событием. Я принимал участие в переговорах и сопровождал его в течение всего периода пребывания в нашей стране.

Он был неподдельно впечатлен системностью и эффективностью борьбы с преступностью, отмечая высокий уро-

вень профессионализма в раскрытии преступлений, в том числе по горячим следам, профилактике правонарушений, а также подготовке кадров.

Спустя 19 лет мы вновь встретились, но уже в Нью-Дели, куда он приехал на конференцию в качестве вице-президента Международной ассоциации прокуроров, а я был послом Казахстана. Несмотря на свой уже преклонный возраст, господин Шикита сразу узнал меня и, тепло поздоровавшись, вспомнил во всех деталях свое пребывание в Москве, изобиловавшее в том числе и курьезными моментами, о чем, возможно, еще будет написано. «Я вас хорошо запомнил, потому что вы были очень похожи на японца», — сказал он, широко улыбаясь.

* * *

Моим первым непосредственным начальником и наставником по жизни стал Александр Павлович Косицын. Звание генерала и звезда Героя Советского Союза, заслуженная им за форсирование Дуная во время войны, вкупе с лидерскими качествами отнюдь не диссонировали, а наоборот, органично дополняли творческий характер крупного ученого, обладавшего энциклопедическими знаниями.

Между нами с первых дней знакомства случилась, как говорят в народе, химия. Его отношение ко мне было больше

отеческим, нежели субординационным, как принято в воинской среде. Я никогда не позволял себе каким-либо образом злоупотреблять этими отношениями. В качестве научного консультанта он мог часами скрупулезно корпеть над моей диссертацией, внося свои ценные советы и комментарии. Это способствовало тому, что я смог досрочно представить свою работу к защите.

Доверительные беседы с ним на различные темы были для меня бесценными. Александр Павлович был корифеем не только в области права, но и глубоко разбирался, например, в истории России, оперируя данными архивных и иных источников, которые в те времена были не каждому доступны. Как-то, рассказывая о роли язычества и православия в истории русского народа и увидев мою заинтересованность, он достал из стола и протянул мне небольшую книжку в тонкой обложке со словами: «Даю тебе прочитывать до завтра, весьма занимательная вещь. Потом обсудим, только никому не показывай». Это была книга диссидента Валерия Емельянова «Десионизация», причем изданная парижским издательством «Посев» — рупором яркой эмигрантской оппозиции. Книга, сама по себе полная спорной конспирологии, вместе с тем в качестве источника дополнительных знаний была уникальной.

Этот жест был проявлением безграничного доверия ко мне, имея в виду то, что в те годы КГБ зорко отслеживало хождение в народе подобного рода литературы, за хранение

которой грозил реальный срок заключения в местах не столь отдаленных.

Генерал Косицын был искушенным аналитиком и вместе с тем истинным патриотом. Уже впоследствии, когда в 1988 году я приезжал в госпиталь МВД фактически проститься с тяжелобольным наставником, стал свидетелем его телефонного разговора со своим близким другом и единомышленником писателем Владимиром Солоухиным. Он тогда дословно сказал: «Володя, какую страну херачат! Разве мы для этого одержали Великую Победу?!» Передо мной был сильно похудевший, но стойкий духом монументальный человек.

Вообще, по жизни это был жизнелюбивый, излучавший позитив оптимист, поэтому не хотел бы на грустной ноте заканчивать свой краткий рассказ об Учителе. Зная то, что он был истинным гурманом, я как-то привез ему из Караганды кружок копченого шужыка. Однажды он мне говорит: «Слушай, вчера Вера Гавриловна уехала на пару дней в Москву (в основном они проживали в подмосковном поселке Союз писателей Переделкине), а вечером ко мне на огонек заглянул мой сосед Ваня Стаднюк (классик советской литературы, автор культового романа „Война“). Я ему говорю, что особых разносолов у меня нет, но сейчас угощу тебя конской колбаской. Так мы за разговором эту вкуснятину всю и уговарили. Спасибо тебе!» Я ответил, что очень рад такой высокой оценке, даже не спросив, отварил ли он предварительно понравившийся деликатес. Это так и осталось тайной.

Должен сказать, что я достаточно быстро вписался в «ландшафт» Академии. Здесь, помимо, естественно, дисциплины, ценились профессионализм и человеческая порядочность. Впрочем, как и в любом другом коллективе. К этому обязывало и то, что рядом трудились известные в стране и за рубежом теоретики и практики. Мне довелось в течение трех лет проходить адъюнктуру на кафедре государственно-правовых дисциплин, где работали профессора Валерий Зорькин и Николай Витрук. Впоследствии они оба попеременно руководили Конституционным судом России. Валерий Дмитриевич и по сей день возглавляет этот орган, являясь старейшим из руководителей, занимающих высшие государственные посты в стране.

Национальная принадлежность не играла равным счетом никакой роли. Бывали, разумеется, отдельные издержки, которые только пополняли жизненный опыт и закаляли характер. В связи с этим вспоминаю больше с улыбкой руководителя параллельного подразделения, являвшегося старшим по званию, но не моим непосредственным начальником. Будучи родственником какой-то высокопоставленной шишки, он относился к окружающим его коллегам весьма надменно, причем безосновательно в силу своей явной посредственности. Он мало кому был симпатичен, и все старались его избе-

гать. Ко мне у него была, думается, объяснимая неприязнь, впрочем, взаимная.

Однажды он проводил политинформацию, еженедельно собиравшую сотрудников нескольких смежных подразделений. Он что-то вещал о международном положении, и его мало кто слушал. В какой-то момент я стал вникать в то, о чем идет речь. Он рассказывал об убийстве Индиры Ганди и о том, что совершили это сингхи. Это слово прозвучало рефреном из его уст несколько раз. Не сдержавшись, я поправил его: «Извините, не сингхи, а сикхи. Это такое сословие в Индии». Политинформатор, оторопев, оторвался от своей шпаргалки и, тяжело взглянув на меня, процедил: «Что, самый умный, что ли?» Я хотел было для «чистоты проекта» добавить, что сикхи отличаются от других индийцев в том числе и тем, что с рождения и до ухода из жизни не удаляют волосистой покров на голове и теле, а также носят чалму. Однако, увидев одобрителные взгляды и так называемые современные «лайки» своих коллег, решил ограничиться сказанным.

Свои жизненные университеты я проходил во времена, когда высоко ценилось чувство юмора, непременно включавшее в себя и элементы самокритики. Такой феномен, как советские (не путать с «совковыми») анекдоты, был известен далеко за пределами страны. Например, президент США Рональд Рейган (кстати, автор термина «империя зла» в отношении СССР) высоко ценил советские анекдоты и нередко

публично рассказывал эти анекдоты, в которых нередко присутствовал подтекст с критикой существовавшего политического строя. К этому вопросу мы еще вернемся.

Вспоминается один забавный и незабываемый случай, приключившийся во время студенческих военных сборов. Должен отметить, что студенты МГУ проходили качественную военную подготовку, так как соответствующая кафедра в теоретическом плане была укомплектована квалифицированными специалистами, а практические навыки закреплялись в легендарных краснознаменных Таманской и Кантемировской дивизиях. В первой из них в силу ее близости к Москве мы осваивали нормативы по стрельбе, а во второй сдавали практический экзамен по своим военно-учетным специальностям.

Кантемировская дивизия, а точнее, ее кадрированный танковый батальон, где проходили военные сборы, располагался в живописном Ковровском лесном массиве во Владимирской области (надеюсь, спустя более сорока лет это уже не является госсекретом). Расквартированы мы были в палатках пофакультетно и в свободное от службы время могли посещать друг друга. В расположении каждого взвода были оборудованы места для курения в виде круговых лавочек, посреди которых находились врытые в землю котлы для окурков. Однажды один из «однopolчан», решив навестить друга, оказался в расположении курилки химического факультета, где бойцы, вольно общаясь, как водится, триви-

ли анекдоты. Наш герой, видимо, вспомнив Василия Теркина, решил не отстать от других и рассказал свежий анекдот про Брежнева. Последовавшее далее, уверен, осталось в его воспоминаниях на долгие годы. Смеялись над рассказанным только он и еще один из находившихся там слушателей. Остальные же начали потихоньку расходиться по появившимся вдруг срочным делам, смотря на рассказчика как на обреченного, видимо, вспоминая другой, более грустный анекдот: «Половину строителей Беломорканала составляли те, кто рассказывал политические анекдоты. — А кто были другой половиной? — Те, кто их слушал». Как оказалось, положительно отреагировавшим на анекдот был Леонид Брежнев — внук генерального секретаря. Я лично не был знаком с ним, но по рассказам его однокурсников имел о нем представление как об адекватном и нормальном парне, который в данной ситуации подтвердил эту характеристику.

В юмор той эпохи в известной мере органично вплетались элементы народной или, образно говоря, ненормативной лексики. Это, конечно, отдельная тема разговора, я бы даже сказал, предмет изучения неотъемлемой части великого и могучего, по словам Николая Некрасова, русского языка. Еще в студенческие годы я познакомился с так называемой срамной литературой Пушкина, Есенина, Баркова и пришел к выводу о том, что эта лексика воспринимается прежде всего в неприменном контексте с интеллектуальным уровнем того, кто ее употребляет. Важно отличать пошлое

сквернословие в общественном месте от неформального и остроумного общения в кругу близких людей. Как-то довелось быть свидетелем того, как один весьма известный в академических кругах ученый и неподдельно рафинированный интеллигент в застольной беседе с молодежью в духе диалога булгаковского профессора Преображенского с доктором Борменталем говорил примерно следующее: «Если употребляете спиртные напитки, особенно в незнакомой компании, то старайтесь не пренебрегать качественной закуской, иначе можете быстро захмелеть. Захмелев, обязательно произнесете какую-нибудь ...ню, и все решат, что вы ...к. Потом, протрезвев и доказывая всем обратное, вы уже никого не переубедите в том, что вы не ...к. Говорил он это буднично и без пафоса, намазывая на хлеб добрую порцию черной икры.

Однако порой бывает достаточным являться просто добродушным и незлобным человеком, чтобы посредством народного языка доходчиво и интересно довести до собеседника суть своей мысли.

Я иногда вспоминаю поездки нашего институтского курса на осенние сельскохозяйственные работы по сбору картофеля в один из совхозов Можайского района, в котором, похоже, мало что изменилось со времен Октябрьской революции (это всего чуть более 100 км от Москвы). Поселили нас в переоборудованный коровник, а столовую приспособили в здании заброшенной церквушки. Энтузиазма нам тогда было не занимать, и мы, обустроившись в бывшем общежитии

для буренок и подкрепившись тем, что бог послал, вышли на работу. Там нас уже дожидался бригадир, чтобы провести инструктаж, как не попасть под колеса или конвейер комбайна и сколько нужно собрать картошки для выполнения плана. Он стал рутинно и размеренно нам все это рассказывать. Мы все притихли и заворуженно слушали его речь, которая лилась как ручей в тихую погоду. Дело в том, что не менее двух третей из всех услышанных нами слов были исполнены на классическом «народном» языке, который мог бы заинтересовать любого этнографа. Когда кто-то из ребят тихо произнес, что среди нас, между прочим, есть девчата (их было всего трое), докладчик, к нашему удивлению, вдруг смутился и покраснел, затем, махнув рукой, сказал: «Короче, сами разберетесь». Мы проводили нашего бригадира аплодисментами. Кстати, одним из нас был наш однокурсник — будущий литератор Борис Акунин, тогда еще рыжий и кудрявый японист Гриша Чхартишвили.

Кстати, он не первый в моей памяти человек, в котором не сразу можно было распознать будущего мастера пера. В данном контексте вспоминаю современного мэтра детективного жанра, автора знаменитой «Каменской» и других бестселлеров Александру Маринину. Для меня она по сей день остается в памяти как коллега из смежного подразделения Академии Маша Алексеева, нередко заглядывавшая в нашу международную группу на чашку кофе или опять же выкурить сигарету. Поистине, талант — это божий дар, который

может снизойти на человека в любой момент его жизни.

Это было небольшим лирическим отступлением, которое, возможно, дополнит общую картину того времени.

Сфера моей деятельности в Академии и отчасти ее результаты, очевидно, послужили одним из факторов дальнейшего перемещения в центральный аппарат Министерства внутренних дел. Это не могло не радовать, так как тебя заметили и оценили, предоставив возможность заниматься близкими тебе международными проблемами, но уже на высоком и более ответственном уровне.

* * *

Работа в министерстве, в отличие от Академии, была значительно менее творческая, но вместе с тем служила хорошей школой для овладения аппаратными и штабными навыками. Один из первых уроков я получил от своих новых коллег, с которыми трудился в одном кабинете. Как-то, разговаривая по телефону с руководителем регионального органа внутренних дел, я обратил внимание на то, что они внимательно слушали мой разговор и при этом неодобрительно переглядывались между собой. После беседы они доходчиво объяснили, что обращаться к сотруднику центрального аппарата по служебным вопросам, невзирая на возраст и служебное положение, должны только по имени и отчеству, уловив в моем разговоре обратное. В следующий раз при анало-

гичной ситуации мой собеседник несколько раз переспросил непривычное для его слуха мое отчество, при этом, как мне показалось, делая это намеренно. При очередном его переспросе я в тон ему ответил: «Да зовите меня просто Брахмапутра», — вспомнив прочитанную когда-то шутку. На этот раз коллеги остались довольны, разразившись гомерическим смехом.

Задача отдела внешних сношений в целом заключалась в координировании и контроле сотрудничества МВД СССР с зарубежными партнерами. Так, во всех социалистических странах присутствовали официальные представители министерства, работу которых курировал наш отдел.

Вышеуказанное сотрудничество предполагало совместные усилия в борьбе с преступностью в рамках организации Варшавского договора. Вынашивались даже планы создания по аналогии с Интерполом своего так называемого милипола (милиция-полиция). Однако, учитывая, что сотрудничество зачастую затрагивало вопросы политической безопасности, отдельные соцстраны не поддержали данную инициативу. Запомнилось то, что в профессиональных взаимоотношениях с коллегами из указанных и других «братских» стран неизменно присутствовал менталитет советского патернализма, заключавшийся в покровительственном к ним отношении. Помню, как министр внутренних дел одной из латиноамериканских стран, вопреки общепринятым протокольным нормам и гостеприимству, смиренно ожидал десять

минут аудиенции в приемной начальника Академии МВД.

На новом месте с самого начала все пошло хорошо, быстро втянулся в работу, коллектив принял доброжелательно. Мне был 31 год, и уже в звании майора я, естественно, считал себя подготовленным профессионалом. Но, как показали дальнейшие события, не все так просто в этом бренном мире. В один прекрасный день вдруг созывается экстренное совещание всего отдела, куда в тот период входили три отделения: по работе с капиталистическими, социалистическими странами и Афганистаном. В повестке дня один вопрос — чрезвычайное происшествие, связанное с представлением за подписью руководства МВД искаженных (так было объявлено) данных не куда-нибудь, а в ЦК КПСС. Исполнителем документа, как вы уже догадались, оказался автор этих строк. Вкратце проступок заключался в том, что в моем рукописном варианте документа цифру 3 машинистка приняла за цифру 8. При считке отпечатанного текста я, естественно, это «прозевал».

Совещание прошло быстро, и по его итогам исполнитель документа представлялся уже не подготовленным профессионалом, а ротозеем, допустившим дезинформирование высшего органа страны. Было решено передать дело на рассмотрение партийного бюро, которое могло рассмотреть вопрос о дальнейшем пребывании в партии, то есть можно было ставить крест на дальнейшей карьере. Заседание партбюро поставили, надо полагать, неслучайно только на следующий

день. Думаю, что нет необходимости живописать, что было пережито за это время.

К назначенному времени я был готов к любому раскладу и почти смирился с этим. К слову, в то утро желания удлинить свой пеший путь на службу я у себя не обнаружил.

Чтобы не томить читателя ожиданием развязки, сразу скажу, что заседание партбюро длилось все же подольше, чем в предыдущий день. После хорошей проработки, которую я запомнил на всю жизнь, члены бюро все же ограничились устным замечанием в отношении происшествия.

Затем вызвал к себе начальник отдела и немногословно объявил, что мне дан шанс исправиться и работать дальше, пошутив при этом, что в сталинские времена меня за такой проступок могли и расстрелять. Полковник Вячеслав Ширинский пришел в министерство, которое возглавил бывший председатель КГБ СССР Виталий Федорчук, в составе большой группы сотрудников госбезопасности для укрепления, как тогда было принято говорить, кадров. Это было следствием известного в историографии противостояния двух могущественных ведомств, в котором верх одержали чекисты.

Завершилось все благополучно, но для меня это был незабываемый урок. Тот документ не представлял никакой важности, потому что со злополучной опечаткой, как выяснилось, разобрались сразу же по телефону. Вместе с тем мое

руководство дало мне в полной мере прочувствовать, что в работе мелочей быть не должно.

С тех пор я внимательно читаю все, что вижу вокруг себя, даже на предмет орфографических ошибок. Если же серьезно, то я благодарен за преподнесенный мне жизненный урок.

* * *

В 1988 году мне уже доверили представлять МВД СССР для установления спустя тридцать лет первых неофициальных контактов с правоохранительными органами Китайской Народной Республики, командировав с этой целью в Пекин. По возвращении я был ознакомлен с отчетным письмом советского посла в КНР в адрес политбюро ЦК КПСС (в списке его адресатов значилось все высшее руководство страны). В документе дословно говорилось о том, что результаты данной командировки можно рассматривать в качестве одного из прочных заделов в подготовке к предстоящему в мае 1989 года государственному визиту Михаила Горбачева в Китай. Следует отметить, что встреча в верхах предполагала ознаменовать полную нормализацию отношений между двумя странами, чего, к сожалению, не произошло. Встречи Горбачева с Дэн Сяопином и другими руководителями КНР, наоборот, обнажили концептуальные различия в стратегии развития двух стран. Это вкупе с двойственностью политики советского лидера и его известным выступлением в Пекин-

ском университете не сблизило, а только отдалило Китай от Советского Союза, который уже катился под откос. В настоящее время все постсоветские страны эволюционно пришли к отношениям добрососедства, дружбы и взаимной выгоды с этой великой страной.

На своей командировке в Пекин я должен остановиться подробнее, так как произошедшее в ходе нее судьбоносное событие продолжает и по сегодняшний день занимать важное место в моей жизни. Дело отнюдь не в вышеупомянутой высокой ее оценке, однако обо всем по порядку.

Отправляясь в Пекин, я уже знал, что там в посольстве работают мои однокурсники Михаил Солнцев и Александр Шарапов, с которыми мы тесно общались в годы учебы и особенно сблизились во время военных сборов после четвертого курса. Они часто приезжали к нам в гости в общежитие, а у Миши и его супруги Марины, которая, кстати, тоже училась в ИСАА, мы иногда собирались в их в квартире на улице академика Варги на юго-западе Москвы. Михаил и Александр были потомственными китаистами. Отец первого был видным советским ученым, являясь членом-корреспондентом Академии наук СССР в данной сфере. Отец Александра, биография которого также была тесно связана с китаеведением, являлся многолетним и бессменным помощником советского лидера Юрия Андропова.

По прибытии в посольство я и мой коллега по МВД Николай Чуклинов (нас было двое в делегации) сразу же были

удостоены аудиенции у посла Олега Трояновского, легендарного советского государственного деятеля и дипломата, вместе с тем доступного и весьма доброжелательного человека. Олег Александрович уже был информирован о нашем прибытии и в ходе беседы дал нам соответствующие наставления, расставив при этом необходимые акценты в реализации нашей миссии. В кабинете также присутствовали советники посольства Григоров и Байдильдин. Первый курировал вопросы безопасности и, кстати, являлся супругом моего преподавателя китайского языка в институте Заремы Люшировны. Дамир Аскеевич, казах по национальности, отвечал за политические вопросы и являлся авторитетом как в знании страны пребывания, так и во владении китайским языком.

После короткой беседы у посла мы с коллегой были переданы на попечение этим советникам, которые провели с нами соответствующий инструктаж и определили программу пребывания. Не вдаваясь в подробности, повторю лишь, что поставленная перед нами задача была с честью выполнена.

В свободное время мы с Николаем Николаевичем изучали Пекин, где уже явственно просматривались первые ростки масштабной экономической реформы с ее кооперативными объектами торговли и общественного питания, а также широким изобилием товаров и услуг, чего не было в Советском Союзе. Это в стране, которую мы всегда высокомерно считали безвозвратно отсталой. Я с жадностью осматривал площадь Тянаньмэнь, запретный город Гугун, улицу Ванфуц-

зинь с ее знаменитым книжным магазином и другие достопримечательности китайской столицы, о которых имел представление только из учебников в институте.

Разумеется, с однокурсниками мы тепло отметили нашу встречу, вспоминая студенческие годы и шутя по поводу того, что понадобилось десять лет, чтобы увидеть страну, ради которой учились в институте. Саша попросил меня заглянуть к нему на работу, что я и сделал на следующий день. После очередного совещания у советников я зашел к нему в кабинет, где он представил меня своему коллеге, сказав, что Касым-Жомарт является моим земляком. Мы обменялись рукопожатиями, выкурили по сигарете и накоротке общались, зная, что позже увидимся на мероприятии, которое по случаю нашего прибытия собирались устроить дипломаты. Вечером мы на двух машинах выехали в город поужинать, и я впервые попробовал настоящую китайскую кухню. Атмосфера была настолько великолепной, что после ужина мы еще заехали к нам в отель и закрепили это дело посошком. На следующий день ребята с юмором рассказывали о том, как успели въехать в ворота посольства (жилые дома дипломатов находились на его территории) в 23:58, избежав таким образом занесения в «черный» список пересекших территорию посольства после полуночи, что было строго запрещено.

В последующие дни (командировка продлилась примерно неделю) мы с Касеке, как я сразу стал его называть в силу

хоть и небольшой, но разницы в возрасте, уже встречались и общались как старые знакомые.

Между нами с самого начала случилось взаимопонимание, заключавшееся, как мне показалось, в некоем взаимном доверии. Однако при этом с первого дня в наших отношениях установилась незримая диспозиция старшего и младшего, не имевшая, впрочем, ничего общего на тот момент с субординацией, но однозначно связанная с личностными качествами будущего президента Казахстана Касым-Жомарта Кемелевича Токаева.

Квинтэссенцией нашего зародившегося тогда знакомства, давшего начало многолетним товарищеским отношениям, я считаю ужин в ресторане гостиницы «Хуацяо» (название означает китайцев, проживающих за пределами КНР), куда он пригласил меня накануне моего отбытия на родину. Я детально помню тот вечер, наш неспешный разговор, воспоминания о котором храню по сей день.

Позже мы пересекались в Москве во время его отпуска, а затем уже надолго встретились в Алматы, в Министерстве иностранных дел независимого Казахстана, куда оба прибыли из столицы канувшего в лету Советского Союза подобно хуацяо, образно имею в виду китайскую аналогию, но уже в новых рамках служебной субординации.

* * *

Однако вернемся к событиям, происходившим в СССР в конце восьмидесятых годов. В стране полным ходом набирали обороты центробежные тенденции. Последовавшие вслед за казахстанскими декабрьскими событиями трагические инциденты в Азербайджане, Грузии, а затем Таджикистане, Литве и далее ускорили этот процесс. Буквально на глазах один из полюсов мировой геополитической системы разваливался на части, подтверждая вышеприведенные слова генерала Косицына.

Эскалация напряженности в союзных республиках создавала беспокойную атмосферу в Москве, имею в виду центральные государственные структуры. В правоохранительных органах, призванных обеспечивать безопасность и правопорядок, это ощущалось весьма явственно, вызывая нервную обстановку и известную дезориентацию. Благо желающих подлить масла в огонь было предостаточно, вспомнить хотя бы того же ветерана из парткома МВД.

Объективности ради следует признать, что для автора этих строк вышеуказанные факторы на тот момент еще не являлись непосредственным триггером для скоропалительных действий.

Тем не менее складывавшаяся в целом ситуация, как уже было отмечено выше, настойчиво требовала глубокого осмысления.

Я всегда с благодарностью вспоминаю своих университетских преподавателей философии за те знания, которые по

сей день оказываются востребованными, особенно в случаях, когда необходимо срочно включать мозги для принятия решения. Если коротко, то всегда важно распознать в любом действии или явлении его содержание и форму. Общеизвестно, что определяющую роль играет содержание, которому должна соответствовать форма, и этот порядок является необходимым условием нормального развития. Возникающее же в ходе развития их несоответствие друг другу неизбежно разрешается сбрасыванием старой и возникновением новой формы, адекватной возникающему новому содержанию. Замысловато, но так нас учили.

Применительно к предмету моего рассуждения о своей жизни можно утверждать, что содержание претерпевало кардинальные изменения: рушилась страна со всеми ее, казалось, незыблемыми устоями. Это не пафос и не фигура речи, так как советские люди в своем большинстве верили в то, что они несокрушимы и строят светлое будущее. Однако в одночасье народы, некогда вместе создававшие эту страну, не просто отдалились друг от друга, но стали испытывать взаимную враждебность.

Соответственно, могла бы претерпеть принципиальные изменения и форма, применительно ко мне заключавшаяся в приведенном выше жизнеописании: провинциальный парень, каких было множество, получил возможность окончить вуз и обустроиться в столице, всесторонне развивать там свой профессиональный и личностный потенциал с пер-

спективной на будущее. На тот момент у моей семьи была благоустроенная квартира в одном из спальных районов Москвы.

Необходимо сразу сделать оговорку о том, что данные рассуждения, приправленные еще и философскими сентенциями, касаются лично моего жизненного пути. Возможно, у кого-то он складывался иначе.

Конкретно понять, как необходимо поступить в тот момент, разумеется, было непросто. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, однако я иногда задаюсь мыслью о том, как бы сложилась моя судьба, если бы я решил остаться в Москве. А что? Может быть, я смог бы и дальше продолжить свой служебный рост по примеру моих коллег. Упоминавшиеся уже украинец Владимир Носенко на волне перестройки стал руководителем секретариата могущественного в то время Геннадия Бурбулиса, а сослуживец по Академии бурят Сергей Босхолов был избран в первый состав Конституционного суда России.

Вместе с тем внутренний голос интуитивно, но настойчиво призывал к возвращению в Казахстан. Было бы неискренним утверждать, что мной двигали какие-то политические мотивы или национальный патриотизм, так как единственной и доминирующей его формой тогда был советский патриотизм. Скорее всего, срабатывали инстинкт самосохранения и тревога за будущее своей семьи, которая поддержала это решение.

* * *

Судьба оказалась благосклонной ко мне и в этот раз в лице Нурсултана Абишевича Назарбаева. А события разворачивались следующим образом.

В 1989 году Всесоюзный научно-исследовательский институт МВД СССР открыл по стране несколько своих отделений, в том числе в Алма-Ате. По итогам очень непростого, как сейчас принято говорить, кастинга меня по представлению руководства института назначили начальником его казахстанского отдела. Это была захватывающая, почти детективная история. До окончательного решения о назначении развернулась нешуточная борьба за указанную должность, так как она предполагала высокий должностной оклад, а главное, прямое подчинение союзному министерству. Руководству республиканского министерства внутренних дел во всех отношениях было предпочтительно иметь на этой позиции местного кадра. Учитывая усилившиеся в стране центробежные настроения, оно могло позволить себе отклонить кандидатуру Центра, что в данном конкретном случае и демонстрировало. Все это, конечно же, происходило пока еще не в официальном, а в «подковерном» формате, однако уже становилось понятно, что последнее слово в процессе согласования будет за республиканскими коллегами.

Конкретного плана действий на тот момент у меня не было, и все бы пошло по другому пути, если бы не шальная идея, пришедшая мне в голову во время дежурства у телефонного аппарата шефа, которое сотрудники отдела несли поочередно в его отсутствие. Дело в том, что, помимо прочих средств связи, у него на столе находилась так называемая «кремлевка» с набором трех цифр, которая имела доступ к высшим должностным лицам страны (четырёхцифровой аппарат, соединявший с абонентами рангом ниже, называли «вертушкой»). Так вот, в списке абонентов «кремлевки» значился Назарбаев Н. А., а точнее, номер телефона в его резиденции в постоянном представительстве Казахской ССР в Москве.

Я долго смотрел на аппарат и испытывал примерно то же чувство, что и Штирлиц в кабинете правительственной связи рейхсканцелярии перед тем, как позвонить партайгеноссе Борману. Только, в отличие от вышеуказанных персонажей, которые не знали лично друг друга, я уже десять лет был знаком с Нурсултаном Абишевичем. В данном случае правильнее было бы сказать, что он знал о моем существовании.

На другом конце провода отозвался знакомый голос его помощника Владимира Ни, очевидно, посаженного у телефона с той же целью, что и я: «Аппарат первого секретаря ЦК Компартии Казахской ССР слушает». Я представился и на вопрос, по какому делу звоню, ответил, что хотел бы переговорить лично, и, услышав, что Назарбаева нет на месте,

поблагодарив, попрощался. Обстоятельства, как вы понимаете, не располагали к ведению длительной светской беседы.

Логика подсказывала мне предпринимать дальнейшие действия, раз уж первый шаг был сделан. Выяснив, что Нурсултан Абишевич пробудет в Москве еще один день и раздобыв его прямой городской номер телефона в резиденции, вечером все-таки дозвонился до него. Я вкратце изложил ему суть своей просьбы, аргументировав это принятым решением возвратиться в Казахстан. Он, практически молча выслушав мой монолог, ответил: «Хорошо. С тобой свяжутся». Через два дня со мной действительно связались из управления кадров МВД СССР, предложив оформлять документы на новое назначение. Через месяц я уже был в Алма-Ате и приступил к работе в новой должности начальника Казахстанского отдела региональных криминологических проблем ВНИИ МВД СССР.

Для полноты картины я, наверное, должен прояснить истоки знакомства с первым президентом Казахстана, коими являются его близкие отношения с моими родителями в карагандинский период жизни семьи Назарбаевых. Думаю, что здесь больше преобладали теплые взаимоотношения Сары Алпысовны с моей мамой. Об этом свидетельствуют содержание и тональность отправленного ею в адрес первой леди письма, черновик которого я обнаружил после ухода из жизни мамы в ее аккуратно сложенном небольшом личном архиве. В письме трогательно, но деликатно излагалась прось-

ба об оказании мне содействия, и датировано оно было незадолго до описанного мной возвращения в Казахстан. Вышеизложенное, помимо того, что я еще был и квалифицированным специалистом, явилось основным фактором благосклонности Нурсултана Назарбаева в отношении меня.

По этой причине представляется, что титул члена так называемого «карагандинского клана» мне никогда не присваивали. Со всеми теми, кто впоследствии его удостоился, я не имел каких-либо точек соприкосновения, что в таких случаях было весьма необходимо, например, совместная работа в партийных, советских или комсомольских органах. Отбыв из Караганды в семнадцать лет на учебу в Москву, я возвратился в Казахстан уже зрелым человеком в возрасте тридцати трех лет.

* * *

Я описал два практически судьбоносных эпизода, связанных с именами двух людей, один из которых сыграл, а другой продолжает играть значимую роль в моей жизни. На протяжении почти сорока лет я не только был лично с ними знаком, но для меня было большой честью и неповторимой школой работать под их непосредственным руководством.

Нурсултан Назарбаев и Касым-Жомарт Токаев уже вписали свои имена в анналы нашей страны, и их историческая роль будет по достоинству оценена в свое время. Вместе с

тем полагаю уместным и своевременным внести свой скромный вклад, продолжив дальнейшее свое жизнеописание через призму развития новейшей истории независимого Казахстана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.